

Петро САБЛУК¹, Ирина ХОМИН²

¹Национальная академия аграрных наук
Украины, Киев, Украина
e-mail: econotuaan@ukr.net

²Тернопольский национальный
экономический университет, Тернополь, Украина
e-mail: xomunka@gmail.com

УДК 336.64

Приватизация государственной собственности: ошибки и извлеченные из них уроки

В статье анализируются ошибки, допущенные в процессе поспешной приватизации государственной собственности, осуществленной в 90-х гг. XX ст. в Украине и России. Подчеркивается, что проведение приватизации государственной собственности требует взвешенного подхода, который немислим без учета прошлых ошибок. Акцентируется внимание на том, что ее нельзя проводить второпях, а следует долго обдумывать, взвешивая все «за» и «против». Осуществлять же – в сжатые сроки, не декларируя преждевременно, чтобы не дать распорядителям общественной собственностью загодя воспользоваться своими возможностями для «прихватизации». В подтверждение указывается, что по большому счету настоящего реформирования ни в промышленности, ни в аграрном секторе не произошло, ибо под его прикрытием возник лишь феномен неравномерного распределения в последнем земельных угодий, и те, кто и так уже имеет их сверх меры, дальше продолжают накопление, в то время как другие, с самого начала ограниченные 5-ю–10-ю гектарами, остаются обделенными.

Предлагаются обоснованные меры, которые могут быть учтены в будущем реформировании производственных отношений и тем самым стать предохранителем, позволяющим избежать подобных ошибок в Беларуси, ставшей, по существу, единственным форпостом, не поддавшимся дикой «прихватизации» девяностых, сумевшим удержаться от такого демагогического популизма.

Petro SABLUK¹, Iryna KHOMYN²

¹The National Academy of Agrarian Sciences
of Ukraine, Kiev, Ukraine
e-mail: economuaan@ukr.net

²Ternopol National Economic University,
Ternopol, Ukraine
e-mail: xomunka@gmail.com

Privatization of state property: mistakes and lessons from them

The article analyzes the mistakes made in the process of the hasty privatization of state property, carried out in the 90s. XX century in Ukraine and Russia. It is emphasized that the privatization of state property requires a balanced approach, which is unthinkable without taking into account past mistakes. Attention is drawn to the fact that it cannot be carried out in a hurry, but you should think for a long time, weighing all the «pros» and «cons». To carry out – in a short time, without declaring prematurely, in order to prevent public property managers from taking advantage of their opportunities for «grasping». In confirmation, it is indicated that, by and large, this reform did not happen either in industry or in the agrarian sector, because under its cover only the phenomenon of uneven distribution of land in the latter also arose and those who already have them too far continue to accumulate while others, limited from 5 to 10 hectares from the very beginning, remain deprived. In the author's article's view, reasonable measures are suggested that can be taken into account in the future reformation of production relations and thus become a fuse to avoid similar ones in Belarus, which became essentially the only outpost that didn't succumb to the wild «grappling» of the nineties such demagogic populism.

© Саблук П., Хомин И., 2020

По-видимому, глобализация экономической жизни с неизбежностью обуславливает приватизацию государственной собственности. Это происходит прежде всего потому, что частные предприниматели совершенно по-иному рассматривают используемые средства производства, чем временно исполняющие функцию управления ими поставленные государством менеджеры. И прежде всего это проявляется в апофеигме «ничейная собственность», которая неприменима к частной, но стала нарицательной в «лихие девяностые» в тех постсоциалистических республиках, где поспешно осуществили неумелую (так ли, может, наоборот?) приватизацию для избранных субъектов наиболее привлекательных объектов материально-технической базы, созданных трудом как минимум трех поколений своих граждан, оставив подавляющее их большинство обманутыми демагогией о лучшей жизни благодаря частной собственности на средства производства.

Таким образом, очевидно, что проведение приватизации государственной собственности требует взвешенного подхода, который немислим без учета прошлых ошибок: известно, что все учатся на них, но лучше все-таки делать это на чужих. Именно это соображение обусловило цель статьи, а также ее задачи, определенные как анализ допущенных ошибок при проведении приватизации общенародной собственности в Украине.

Безусловно, они могут быть учтены в будущем реформировании производственных отношений и тем самым стать предохранителем, позволяющим избежать подобных в Беларуси, которая стала, по существу, единственным форпостом, не поддавшимся дикой «прихватизации» девяностых, сумевшим удержаться от такого демагогического популизма.

Ведь даже ее ближайший сосед – Россия, которая обладала неизмеримо большими возможностями взвешенного реформирования государственной собственности, а его вдохновитель Е. Гайдар считался, подобно Л. Эрхарду в послевоенной Западной Германии, признанным авторитетом для остальных постсоветских реформаторов, как отмечают известные российские авторы, за 10 лет «либерал-реформации» потеряла половину своего производственного потенциала.

«Оборонный потенциал снизился втрое. Научно-техническая деятельность сократилась до одной десятой по сравнению с той, которая была во времена СССР. Все, что нам досталось от Советского Союза ... почти полностью съедено, утрачено или разрушено в процессе демократизации и построения рыночных отношений. Десять лет реформ – это десять лет разворовывания природных, интеллектуальных ресурсов России» [1, с. 49].

Применение метода «проб и ошибок» в экономике невозможно, учитывая, что здесь нельзя, как, например, в химии, заменить испорченный раствор другим. Невозможен также возврат к статус-кво не только из-за неприемлемости «сплошного пересмотра приватизации, если она проходила по закону, а не посредством воровства и мошенничества» [2, с. 91], но и той, которая совершилась именно по последнему сценарию, потому что повторного меседжа «грабь награбленное» никакое государство в теперешних условиях позволить себе не сможет. Да к тому же, как упоминалось в предыдущей цитате, в процессе «либерал-реформации» все, что нам досталось от Советского Союза ... почти полностью съедено, утрачено или разрушено.

Таким образом, лишь в единичных случаях возможны кое-какие коррективы этих ошибок, как это на волне популизма произошло в Украине в 2005 г. с реприватизацией «Азовстали». Иначе вообще можно остаться в положении старухи из сказки о золотой рыбке, ибо «собственник капитала является, в сущности, гражданином всего мира и отнюдь необязательно связан с какой-либо отдельной страной. Он легко может покинуть страну, в которой подвергается ... стеснительному контролю и расспросам, и перенести свой капитал в другую страну, в которой он может с большим удобством вести свое предприятие или пользоваться своим состоянием» [3, с. 605].

И делается это в современных условиях довольно просто – одним нажатием компьютерной кнопки, вследствие чего предприятие сначала лишается главной части своего оборотного капитала – денег, а затем обесценивается оно само, поскольку «никакой основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе, как только при помощи оборотного капитала» [3, с. 260].

Собственно говоря, это должно стать первым уроком, в том числе и для Беларуси, которая может учесть чужие ошибки, имея в виду, что промедление с осуществлением приватизации общественной собственности дает возможность переместить эту часть оборотного капитала в офшоры, а затем приобрести оставшуюся часть основного за бесценок, что и произошло в Украине благодаря галопирующей инфляции, которая достигла в 1993 г. 10256%.

Например «на ВАТ «Втормет» Львовщины наложили арест (предприятие имело долг перед бюджетом в 47 тыс. УАН). Арестованное оборудование стоимостью 2,5 млн УАН было продано на торгах за 79 тыс. УАН; производственный корпус предприятия по изготовлению оборудования для нужд автоматики энергетики, металлургии, химической промышленности продан за 390 тыс. УАН, тогда как его балансовая стоимость – 2,3 млн УАН. Реализацию указано осуществлять через фонд «Профессионал» и профсоюз работников государственной налоговой службы. Ясно, что это образец лукавых торгов в пользу некоторых ловких сборщиков налогов!» [2, с. 79].

Нельзя также повторять ошибку, которая своими корнями уходит в так называемые «перестроечные времена», когда было разрешено предпринимательство в виде частных кооперативов в условиях тотальной государственной собственности. Образно говоря, телегу поставили впереди лошади. И «этим обстоятельством сразу воспользовалась коррумпированная администрация госпредприятий: часто по фиктивным договорам она перечисляла средства кооперативам, а те «делали денежную наличность» [2, с. 51].

В частности, типичными стали случаи, подобные произошедшему при централизованных государственных поставках фондируемых на то время зооветмедикаментов. Созданный кооператив, директором которого зарегистрировалась супруга генерального директора государственного «Зооветснаба» областного уровня, стал посредником в прямой цепи «Республиканская – региональная оптовые базы» поставок этих товаров. Вопреки резонному замечанию: «Каждый желает обойти посредника – этого бандита на широкой дороге торговли, которому дано право сдирать проценты с каждого глупца или неудачника, которые попадают ему на пути» [4, с. 173], здесь речь о глупцах или неудачниках поначалу не шла. Это только потом оказалось, что лучше все-таки прислушиваться к умным предостережениям, чем к неодолимому зову собственной жадности. В конечном итоге региональная оптовая база стала банкротом, а кооператив вынужденно перешел на пошив рабочих рукавиц, однако в условиях наводнения рынка подобными кустарными изделиями вскоре вообще прекратил свою деятельность.

Ведь «конкуренция – дама жесткая и жестокая» [5, с. 51]. Поэтому только в условиях ее отсутствия можно было воспользоваться приемом, действенным в начале деятельности, когда этот кооператив, не имея достаточных средств, чтобы осуществить предварительную оплату зооветмедикаментов республиканской оптовой базе; составил фиктивный договор, по которому региональная оптовая база будто бы получила от него выделенные ей зооветмедикаменты, за что ему было перечислено порядка 1,5 млн тогдашних советских рублей, после чего никаких препятствий для оплаты и «получения» кооперативом этих товаров от республиканской оптовой базы не существовало.

Они сразу же были переоформлены на региональную оптовую базу, благо доставлялись на ее склады ее же транспортом – собственного-то посредник не имел. Только все это делалось уже не по оптовым ценам, а с наценкой 20%, благодаря чему кооператив сразу получил 300 тыс. руб. прибыли. Повторив несколько раз такие операции, здесь не только сформировали собственные оборотные средства (необоротных не требовалось), зарегистрировали кооператив в супружеской квартире, но и смогли обеспечить себе высокую зарплату.

Конечно, вряд ли руководство Беларуси допустит подобную ошибку, так как положительно отличается от тогдашнего украинского и российского, «не имевшего элементарной экономической грамотности» [6, с. 10]. Важно только не ограничиваться изданием нормативных документов, полагаясь на принцип «laissez faire». Ведь вообще-то в начале приватизации государственной собственности в Украине все выглядело довольно объективно и заманчиво: ученые разработали,

как казалось, обоснованную концепцию справедливого распределения ее среди всех без исключения граждан Украины, была подготовлена соответствующая юридическая база – только применительно к аграрной сфере начиная с первого указа Л. Кучмы от 10 ноября 1994 г. их издано более 60-ти [7, с. 7]. Но потом незаметно все пошло не так.

Во-первых, почему-то вместо первоначальной суммы в 51 тыс. руб. сертификаты, которые засвидетельствовали стоимость части принадлежащего каждому гражданину общественного имущества, вскоре стали оцениваться, однако, не на фондовых биржах, как следовало ожидать, а на обычных продовольственных и промтоварных рынках по 20 UAH за штуку. Исходя из соответствующих валютных курсов, 0,60 USD по отношению к советскому рублю [2, с. 391] и 1,76 USD – к гривне той поры, это практически составляло (51000 руб. : 0,60 USD : 20 UAH : 1,76 USD) более чем 7-тысячекратную уценку этих эрзацев акций. И такие случаи стали типичными не только в Украине. К примеру, «если трудовой коллектив Санкт-Петербургского порта в 1992 г. получил 51% акций (народная приватизация), а государство 49%, то сегодня на руках трудового коллектива осталось только 3% акций, остальные выкупили ловкие дельцы» [2, с. 104].

Во-вторых, хотя соответствующим нормативным документом эти сертификаты, получившие в обиходе название ваучеров, были именными и выданными гражданам под расписку о получении без права отчуждения третьим лицам, они вскоре стали свободно продаваться именно на этих рынках каким-то неизвестным лицам без какого-либо юридического оформления.

В-третьих, именно эти незаконно приобретенные за смешные цены сертификаты/ваучеры стали уже «законной» основой отчуждения реальных заводов и фабрик теми, кто сумел преодолеть все формальные препоны к такой вожаденной цели.

В-четвертых, даже те граждане, которые не соблазнились такой ценой, полагая, что став акционером какого-либо успешного предприятия, вскоре превратятся в рантье, как правило, тешили своей стойкостью только до первого собрания новорожденных «акционеров», где они узнавали, что на их сертификат им начислена сумма «дивидендов», недостаточная даже для оплаты обратного проезда с собрания домой. И они уже сожалели, что не воспользовались имевшейся ранее возможностью продать их по тогдашней цене нескольких бутылок минеральной воды. Вследствие чего значительная часть таких горемычных «акционеров» практически подарила свою часть основных фондов приватизированных предприятий тем, у кого через пару лет оказался контрольный пакет уже настоящих акций, зарегистрированных на фондовой бирже.

В-пятых, уплаченные держателям сертификатов/ваучеров суммы, даже если бы они соответствовали расчетной стоимости части принадлежащего каждому гражданину общественного имущества, то есть 51 тыс. руб., не могли быть ей эквивалентными по одной простой причине: оценивалось оно, как и теперь, по так называемой «остаточной» стоимости, которая определялась и определяется бухгалтерами исходя не из действительного физического состояния объектов собственности, а по условным учетным данным как разница между первоначальной суммой, потраченной на строительство зданий, сооружений, приобретение машин, оборудования, и суммой их износа, рассчитанного по средним, утвержденным в директивном порядке нормам, которые по определению не могут быть его точным измерителем.

Например известный теоретик бухгалтерского учета Я. Соколов обращал внимание на «абсурдность утверждений, что остаточную стоимость можно определить как разность между сальдо счетов «Основные средства» и «Износ основных средств», ибо амортизация, безусловно, финансовый, а отнюдь не материальный процесс. Точно рассчитать приемлемый срок службы объекта практически невозможно, так как заранее нельзя предвидеть ожидаемые сроки службы, условия эксплуатации и, что особенно важно, обстоятельства, связанные с научно-техническим прогрессом, определяющим моральный износ основных средств» [8, с. 311].

Амортизация же, как «налоговый щит предприятия», имеет иное предназначение – обеспечивать создание фонда финансирования простого воспроизводства выбывающих из эксплуатации вследствие полного износа средств производства. А приравнивание к ней износа основных средств

приводит к тому, что на практике возникают как переамортизированные, так и недоамортизированные объекты, вследствие чего достаточно значимая часть основных фондов, имеющих реальную стоимость и используемых по сей день, не значится в основном капитале приватизированных предприятий, хотя именно сумма уставного капитала (в то время по советской традиции – уставного фонда) была представлена как их истинная стоимость, исходя из которой и была определена та, что фигурировала в упоминаемых сертификатах.

Более того, исправно начисляя амортизацию на уже приватизированные здания и оборудование, теперешние владельцы как-то забывают о том, что благодаря этому они систематически получают льготу при налогообложении прибыли, дабы обеспечить финансирование хотя бы простого возобновления основного капитала. Ведь давно известно, что такой «капитал исчезает, ибо экономические операции... отражают потребление старого имущества, чтобы создать новое имущество. Вследствие этого первоначальное имущество уменьшается... То же самое происходит с капиталом этого имущества ...» [9, с. 11–13]. Однако в последние годы и этот «налоговый щит предприятия» в большей мере служит средством увеличения дивидендов, чем способствует «созданию нового имущества» (см. табл. 1).

Таблица 1. Стоимость полностью амортизированных основных средств и использование амортизации на их возобновление, млн УАН

Отрасли / годы	2010	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	205415	222792	1701159	2090635	251987	377922
Сельское хозяйство	8210	4932	6519	7235	9008	12106
Промышленность	47881	57562	66888	73419	82934	93872
Строительство	4022	4591	5993	4199	12404	5298
Транспорт и связь	24504	120046	1566882	1952142	80696	175385
Амортизация, всего	121927	146582	185719	165065	199061	271805
Инвестиции, всего	114964	175424	170676	165767	154630	184351

Источники: Бюллетени «Основные средства Украины» за 2010–2016 гг. – Киев: Госслужба статистики, 2018. – С. 4–11; «Капитальные инвестиции в Украине» за 2010–2016 гг. – Киев: Госслужба статистики, 2018. – С. 14, 35, 75.

Иначе наличие полностью амортизированных основных средств при целевом использовании амортизации было бы невозможным. В настоящее же время в главных материальных отраслях экономики используется значительная часть таких средств труда. К тому же их динамика характеризуется возрастающим трендом: только в течение 2010–2016 гг. этот показатель увеличился более чем в 1,8 раза, а в отрасли транспорта и связи – почти в 7,2 раза. При этом сумма капитальных инвестиций, за исключением 2012 г. и 2014 г., была меньше от начисленной амортизации, а в целом за этот период ее нецелевое использование превысило 124 млрд УАН.

Причем первоначальное уменьшение стоимости таких основных средств в аграрном секторе обусловлено тем, что здесь почти повсеместно еще до осуществления приватизации стихийно возникла картина в стиле сюрреализма – «...разрушенные, как после погрома, коровники, свинарники, которые стоят без окон, без дверей, без крыш» [2, с. 127], которые и списывать с балансов сельхозпредприятий не пришлось в связи со стихийным бесследным исчезновением множества из них до начала приватизации, только продекларированной постановлением Верховного Совета Украины «Об ускорении земельной реформы» в 1992 г.

И произошло это вследствие «настроения неуверенности ... и психологического дискомфорта во всех слоях сельского населения. Естественно, что фактор неопределенности сыграл свою роль в разрушении сельского хозяйства, несмотря на то, что реальные шаги по реализации объявленных реформ еще не начинались» [2, с. 377–378].

В отрасли транспорта и связи в 2015 г. внезапно изъяли из статистики (9752902 – 1418312) = 8334590 млн UAH стоимости основных средств, что синхронно снизило как удельный вес полностью изношенных, так и общий уровень их износа до 51,7%, который достиг перед тем 97,9%.

В немалой мере нецелевому назначению амортизации (или как мягко отмечается в литературе: «Не исключено, что предприятия могут направлять ... амортизационные отчисления на пополнение оборотных средств или вообще изымать из оборота» [10, с. 69]) способствует отсутствие статистической информации о ее использовании вообще.

Считается, будто достаточно произвести начисление то ли износа основных средств, то ли их амортизации, и такая сумма автоматически становится источником финансирования их простого воспроизводства, что в корне ошибочно. Подобный упрощенный подход допустим только на тех предприятиях, где ежегодно коэффициент обновления основных фондов превышает средний уровень износа амортизируемых объектов. Там же, где он ниже, налицо увеличение части изношенных основных средств.

Капитальные инвестиции осуществляются не при условии создания виртуального амортизационного фонда, а благодаря его адекватному денежному обеспечению. Однако в процессе реформирования экономики Украины упразднили как этот фонд, так и целевое разграничение денежных средств, предназначенных для финансирования текущей деятельности и капитальных инвестиций. Показательным является тот факт, что в статистических ежегодниках Украины фигурирует только уровень износа основных средств, а в Беларуси в аналогичных изданиях речь идет о накопленной амортизации.

Полагаем, что и в дальнейшем здесь будут избегать допущенных в процессе реформирования экономики Украины подобных ошибок, придерживаясь латинской максимы «*dura lex sed lex*», предусмотрев, например, соответствующим нормативным документом выплату дивидендов собственникам приватизированных предприятий только при условии направления всей суммы амортизации на финансирование воспроизводства основных средств.

Вместе с тем следует иметь в виду следующую ошибку: сдерживание приватизации под благовидным предлогом сохранения крупного отечественного производства привело к тому, что главным предметом экспорта промышленных предприятий становился металлолом, сбор которого «приобрел ... криминальный характер, когда на лом разбирают линии электропередач, конструкции промышленных сооружений, выкапывают кабели, обрезают провода и т. п.» причем «объемы вывоза цветного лома из Украины привели к дефициту сырья на предприятиях переработки вторичных меди и алюминия в сплавы» [2, с. 60]. Теперь это распространилось дальше и привело к выкапыванию из земли труб орошения, даже труб стратегических нефтепроводов, как это недавно случилось в Закарпатье.

Реформирование собственности нельзя проводить второпях: его следует долго обдумывать, взвешивая все «за» и «против»; осуществлять же – не декларируя преждевременно и в сжатые сроки, чтобы не дать распорядителям общественной собственностью загодя воспользоваться своими возможностями для «прихватизации». Примером является проведение денежных реформ начиная с послевоенной 1947 года, хрущевской 1961-го, особенно германской (эрхардовской) 1951 года.

В целом же, «результатом рыночной трансформации в странах, которые возникли на постсоциалистическом пространстве, стало то, что в большинстве из них, в том числе и в Украине, утвердилась неэффективная модель *кланово-олигархического типа*. В границах этой модели ... формируются ФПГ, которые сосредоточили свой бизнес в рентно-сырьевых отраслях» [11, с. 4].

Это оказалось палкой, один конец которой больно ударил по государству в целом, то есть по большинству его граждан, вследствие того, что «в итоге деиндустриализация национальной экономики ... привела к ориентации производства на поставки на экспорт продукции исключительно аграрно-сырьевого комплекса» [11, с. 6], обусловив массовый выезд прежде всего квалифицированных инженеров и рабочих перерабатывающих отраслей, ставших ненужными в своей стране, на поиск случайных заработков на низкооплачиваемых физических работах за рубежом. Объясняется

это тем, что в Украине средний уровень заработной платы (в 2016 г. – 202,8 USD/мес.) ниже минимального, например, в Польше, а от среднего в этой стране отличается в 5 раз, не говоря уже о том, что отсутствие достаточного количества рабочих мест в обрабатывающих отраслях, которые в наибольшей мере пострадали от деиндустриализации, неизбежно понижает уровень квалификации рабочих вообще.

Другой же конец, как ни странно, прошелся по олигархам, которым приходится довольствоваться лишь малой частью добавленной стоимости, уступая ее львиную долю зарубежным партнерам и униженно выпрашивая у них квоты на поставку необработанного металла и переработанного кормового зерна по демпинговым ценам, к тому же привередничаящим и периодически дискриминирующим отечественных олигархов путем обваливания этих цен, тем самым еще больше уменьшая валютные поступления на их счета в офшорах.

И такое унижение они терпят по своей же вине, ведь вместо внедрения технологий выпуска готовых изделий пятого-шестого укладов только выжимают из устаревших промышленных средств производства в лучшем случае полуфабрикаты, предаваясь маниловским мечтаниям: мол, поскольку «наше сырьевое производство дает ... относительно дешевый металл, то при свободной конкуренции новейшие металлургические предприятия Европы вынуждены были бы закрываться» [2, с. 25].

А свою неспособность выпускать современные станки, машины, транспортные средства пытаются нивелировать лоббизмом безуспешных запретительных мер во внешней торговле, забывая что «попытки оправдать защиту менее эффективных производителей легко приводят к абсурду», поскольку «большинство аргументов эксплуатируют невежество широкой публики» [4, с. 667, 672].

Как уже упоминалось, на самом деле «конкуренция – дама жесткая и жестокая», поэтому легко разрушает все слабые заборы в виде квот и таможенных пошлин, что на бытовом уровне и сейчас видно каждому на примере наводнения не только Украины подержанными автомобилями вместо их переработки на металлолом в своих странах. А в государственных масштабах убедительно доказано разрушением станкостроения, машиностроения и прочих важных металлообрабатывающих производств не только в Украине или Беларуси, но и в России.

В аграрном секторе, игнорируя даже очевидное преимущество – дешевые корма, позволяющие вырабатывать огромные объемы животноводческой продукции с изначально большей добавленной стоимостью, чем кормовое зерно, семена подсолнечника, соя, довольствуются наращиванием их экспорта, невзирая на то, что тем самым повторяют ошибку древних инков, совершенную ими по неведению: монокультурное производство в сельском хозяйстве недопустимо вследствие неустраняемых объективных специфических почвенных процессов. В итоге тренды двух главных отраслей – растениеводства и животноводства, которые испокон веков развивались сбалансированно, нынче все более расходятся. Причем применительно ко второй, учитывая динамику производства молока и мяса после 1990 г., даже нельзя употребить термин «рост без развития» (см. табл. 2).

Таблица 2. Производство продукции сельского хозяйства в Украине за 1990–2017 гг.

Показатели	1990 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Валовая продукция, млн УАН	282774,2	239467,3	254640,5	249157,0
Соотношение продукции растениеводства и животноводства, %	51,5/48,5	70,3/29,7	72,7/27,3	72,0/28,0
Зерновые и зернобобовые, тыс. т	51009,0	60125,8	66088,0	61916,7
Подсолнечник, тыс. т	2570,8	11181,1	13626,9	12235,5
Мясо (в убойном весе), тыс. т	4357,8	2322,6	2323,6	2318,2
Молоко, тыс. т	24508,3	10615,4	10381,5	10280,5

Источник: Сельское хозяйство Украины 2017. – Киев: Госслужба статистики, 2018. – С. 49, 92, 149.

Так, если в 1990 г. в стоимости валовой продукции сельского хозяйства удельный вес животноводческой составлял почти половину, то теперь он не достигает и трети. Вследствие же упоминаемой ориентации аграрного производства на экспортные поставки переработанной сельскохозяйственной продукции в итоге вообще имеем парадокс: валовой сбор зерна в Украине увеличился по сравнению с 1990 г. в 1,2–1,3 раза, семян подсолнечника – в 4,3–5,3 раза, а производство мяса и молока уменьшилось соответственно почти в 1,9–2,4 раза. И произошло это в связи с резким сокращением поголовья крупного рогатого скота – более чем в 7 раз, свиней – почти в 3,2 раза, негативные тренды динамики которого продолжают характеризоваться, как и в прошлые годы, «возрастающим вектором ускорения сползания в кризисное состояние» [12, с. 3]. А состояние сельского хозяйства России Л. Абалкин вообще оценил как аграрную трагедию [6, с. 4], что с учетом перспективы утраты животноводства как отрасли сельского хозяйства не такая уж гипербола.

Таким образом, ошибки, допущенные в процессе поспешной приватизации в Украине, должны стать поучительными уроками прежде всего для нее самой. В частности, оказалось, что полагаться на альтруизм собственников агрохолдингов, как и применительно к ним на принцип «laissez faire» – маниловщина. Ведь вместо того чтобы заботиться о развитии сельских населенных пунктов, они пекутся прежде всего о выжимании из арендованных у крестьян за мизерную плату земельных участков побольше прибыли, обусловив этим экспортоориентированное растениеводство, игнорируя животноводство, породив феномен прекариата (У. Бек), то есть превратив значительную часть сельских тружеников в современных пролетариев, не имеющих постоянной работы.

Причем, как отмечает член-корреспондент РАН Ж. Тощенко, «многочисленные АОО, ООО и другие образования институционально избавлены от забот о сельском сообществе, а то, что государство создало в процессе рыночных реформ по части предоставления социальных благ и материальных услуг, не идет ни в какое сравнение со временем колхозной реальности советского периода» [13, с. 19, 21]. И эту ошибку необходимо исправлять, конечно, не административными мерами, а, например, введением в фискальный кодекс нормы, предусматривающей льготу на обложение налогом средств, направленных на развитие социальной инфраструктуры сел.

Вообще же, по большому счету, настоящего реформирования не произошло ни в промышленности, ни тем более в аграрном секторе, ибо в последнем под его прикрытием возник лишь феномен неравномерного распределения земельных угодий, и те, кто и так уже имеет их сверх меры, дальше продолжают накопление, в то время как другие, с самого начала ограниченные 5-ю–10-ю гектарами, так и остаются обделенными.

Случилось же это потому, что при проведении реформирования аграрного сектора «формы и методы ускоренного разгосударствления и приватизации воспроизвели ... социально-экономическую систему, которую с точки зрения содержания нельзя отнести ни к капиталистической, ни к социалистической системе. Это криминально-олигархическая система с квазирыночным механизмом хозяйствования» [14, с. 38, 40]. Иными словами, произошла только подмена дефиниций, а не их сущности. Недаром И. Буздалов отметил, что понятие «колхоз», как лжекооператив, только исчезло из официальной отчетности, однако фигурирует в законодательстве под названием производственного сельскохозяйственного кооператива – «колхоза» или «полуколхоза».

Вследствие этого в Украине также, как и в России «в отличие от зарубежной практики, где агрохолдинги – это контрактные, по существу кооперативные отношения холдингов с фермерами-предпринимателями, они экономически принудительные, а нередко – административно интегрированные». Более того, «происходит никем не контролируемый рост латифундий и агрохолдингов, в результате чего был поставлен заслон на пути развития мощного фермерского сектора, формирования обширной сети подлинной сельскохозяйственной кооперации и рациональной социальной структуры сельского населения» [15,

с. 59, 174]. Взаимоотношения же зернотрейдеров с фермерами ничем принципиально не отличаются.

Поэтому неудивительно, что хотя Украина теперь доминирует на зарубежных зерновых рынках, занимая третье место по объему продаж, это мало что дает для развития аграрного сектора. Ведь большинство аграриев не может экспортировать крупных партий зерна, вследствие чего они не имеют прямого выхода на эти рынки. В итоге прибыль от экспорта зерна им не достается, оседающая на счетах зернотрейдеров.

Поэтому отнюдь не отрицая того, что трейдеры – закономерное явление рыночной экономики, в Украине необходимо пересмотреть принцип их взаимоотношений с учетом упомянутой зарубежной практики прежде всего с фермерами. В Беларуси же исходя из допущенной у нас ошибки – предусмотреть превентивные меры по невозможности дискриминации сельхозпроизводителей такими оптовыми посредниками в экспортных операциях.

Вдобавок к взвешенному проведению приватизации общенародной собственности не следует повторять ошибки и относительно бесконтрольности обеспечения воспроизводства основных фондов приватизированных предприятий. Иначе вся затея с ее проведением под предлогом поиска эффективного собственника превратится в демагогический флер для тех, кто мыслит только о собственном обогащении по принципу «после нас хоть потоп», хотя, на самом деле, учитывая доведение при этом своей материально-технической базы до полного износа в сочетании с беспощадной эксплуатацией природных ресурсов, уместнее говорить о беспринципности.

Полагаем, что прежде всего необходимо пересмотреть «золотое правило фискального режима», обусловив в нем не только теоретическое тождество показателей полностью амортизированных основных средств и финансирования капитальных инвестиций их простого воспроизводства, но и обязательное соблюдение его на практике. Поскольку теперешнее понимание этого правила как осуществление капитальных вложений за счет государственных займов и только текущих расходов за счет доходной части бюджета в приватизированных предприятиях будет и дальше неизбежно превращать этот «налоговый щит» в дополнительный источник обогащения их собственников.

Для предотвращения подобных ухищрений целесообразно предусмотреть такие же фискальные меры, как при сокрытии прибыли от налогообложения, благо теоретическое обоснование искать не приходится: финансовой науке уже давно известно, что природа амортизации та же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев, С. Ю. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. / С. Ю. Глазьев, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Батчиков. – М.: ЭКСМО, 2003. – 579 с.
2. Феномен Украины: реформы 1991–2004 гг. / А. Н. Ткаченко [и др.]. – Киев, 2004. – 602 с.
3. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. / А. Смит. – М.: ЭКСМО, 2007. – 960 с.
4. Хейне, П. Экономический образ мышления: пер. с англ. / П. Хейне. – М.: Изд-во «Каталакия», 1997. – 704 с.
5. Тарасевич, В. М. Антикризисний потенціал економічного патріотизму / В. М. Тарасевич // Економіка України. – 2015. – № 6. – С. 50–51.
6. Абалкин, Л. Аграрная трагедия России. / Л. Абалкин // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 4–14.
7. Гайдучкий, П. І. Аграрна реформа Л. Д. Кучми в Україні: історико- економічні аспекти / П. І. Гайдучкий // Економіка АПК. – 2015. – № 1. – С. 5–13.
8. Соколов, Я. В. Основы теории бухгалтерского учета. / Я. В. Соколов. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 496 с.
9. Ciompa, P. Grundrisse einer Oekonometrie und die auf der Nationaloekonomie aufgebaute natürliche Theorie der Buchhaltung / P. Ciompa. – Lemberg: Verlag des Handelsstuhlsvereines, 1910. – 205 S.

10. Лазебник, Л. Л. Оновлення основних засобів в Україні: проблеми їх амортизації та використання / Л. Л. Лазебник // Економіка України. – 2018. – № 8. – С. 62–74.
11. Зверяков, М. І. Глобалізація і деіндустріалізація: зміст, суперечності та способи їх розв'язання / М. І. Зверяков // Економіка України. – 2017. – № 12. – С. 3–12.
12. Саблук, П. Т. Формування економічного механізму АПК України на ранньому етапі ринку / П. Т. Саблук. – Київ: ІАЕ УААН, 1995. – 398 с.
13. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Р.И. Анисимов [и др.]; под ред. Ж. Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – 368 с.
14. Єщенко, П. С. Куди прямує глобальна економіка в ХХІ ст. / П. С. Єщенко, А. Г. Арсеєнко. – Київ: Знання, 2012. – 479 с.
15. Буздалов, И. Рецензия на кн.: Шагайда, Н. И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты / И. Буздалов // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 157–158.

Поступила в редакцию 17.01. 2020